

Кафедра общей и консультативной психологии
наименование кафедры

психосемантического дифференциала

Саратов 2025

Введение. В условиях информационной насыщенности социальной среды, ее повсеместной цифровизации, ведущих к когнитивной перегрузке индивидов, делегирование функций запоминания, прогнозирования и планирования цифровым инструментам, с одной стороны, служит адаптивным механизмом, а с другой – обуславливает риск редукции личностных ресурсов перспективной регуляции поведения. Перспективная память выступает ее психологической основой, обеспечивая устойчивость внутренней интенциональности субъекта – его способности к образованию и удержанию смысловых ориентиров, устремленных в будущее.

Современные исследования перспективной памяти демонстрируют отход от изолированных когнитивных моделей к интегративным подходам, рассматривающим ее в неразрывной связи с мотивационно-смысловой сферой и временной перспективой личности. Однако методологический аппарат подобных исследований часто остается ограниченным лабораторными методами, в фокусе внимания которых преимущественно находятся искусственные, лишенные личностного контекста задачи.

В данном контексте особую актуальность приобретает разработка методологии, способной обеспечить изучение перспективной памяти в ее субъективном, ценностно-наполненном измерении. Такую возможность предоставляет психосемантический подход, в частности метод психосемантического дифференциала. Его применение для оценки коннотативных значений терминальных ценностей в трех темпоральных модусах (прошлое, настоящее, будущее) позволяет исследовать не только их декларируемую значимость, но и глубинную семантическую архитектуру интенций как перспективных психических образований.

Таким образом, настоящее исследование, направленное на изучение возрастных особенностей субъективного конструирования ценностей и насыщенности временных интервалов, может способствовать разработке программ психологической профилактики и коррекции, направленных на

укрепление личностных ресурсов целеполагания и гармонизацию временной перспективы субъекта в период ранней и средней взрослости.

Объект исследования: проспективная память как категория психосемантики.

Предмет исследования: возрастные особенности проспективной памяти.

Цель исследования: изучение объективированных в проспективной памяти психологических особенностей субъективного восприятия жизненных ценностей у испытуемых разных возрастных групп.

Задачи исследования:

1. Проанализировать и систематизировать теоретические подходы к изучению проспективной памяти, раскрыть ее психологические особенности, структуру и место в системе когнитивно-регуляторных процессов личности.
2. Исследовать методологический потенциал психосемантического подхода для изучения высших психических функций личности.
3. Обосновать принцип операциональной аналогии между параметрами субъективного семантического пространства и категориальной структурой индивидуального сознания как теоретико-методологическую основу для эмпирического исследования темпоральной проекции ценностей.
4. Изучить возрастную динамику субъективного оценивания терминальных ценностей в трех временных модусах и насыщенности временных интервалов у испытуемых в возрасте 20–30 и 31–40 лет.
5. На основе полученных эмпирических данных разработать комплекс дифференцированных психологических рекомендаций, направленных на оптимизацию процессов целеполагания и коррекцию искажения временной перспективы личности для каждой возрастной группы.

Гипотеза исследования: существуют значимые различия в объективированных в проспективной памяти психологических особенностях субъективного восприятия жизненных ценностей и насыщенности пятилетних интервалов жизни у испытуемых в возрасте от 20 до 30 лет и от 31 года до 40 лет.

Методы исследования: оценка смыслового значения терминальных ценностей по М. Рокичу с точки зрения ретроспективного, актуального и проспективного опыта в двух контрольных группах.

В качестве основного метода исследования респондентов использован расширенный и универсальный вариант семантического пространства П. Бентлера и А. Лавойе, адаптированный В.Ф. Петренко к русской лексике.

Среди методов сбора данных также использованы психологическое тестирование и анкетирование, обработка данных психологического исследования осуществлялась с использованием количественных методов исследования (математических методов статистического анализа).

В рамках психологического тестирования мы использовали методику «Оценивание насыщенности пятилетних интервалов» Е.И. Головаха, А.А. Кроник.

К математическим методам статистической обработки данных относятся: критерий Шапиро–Уилка, критерий Брауна–Форсайта, эксплораторный факторный анализ, U-критерий Манна–Уитни для двух независимых выборок, T-критерий Стьюдента для двух независимых выборок, критерий Фридмана, апостериорный критерий Коновера–Имана с использованием поправки Холма.

Статистическая обработка данных осуществлялась в статистическом пакете JASP, v. 0.19.3.0.

Теоретико-методологическую основу исследования составили работы:

– в области общей психологии, когнитивной психологии и психологии памяти: Г.С. Абрамовой, Л.П. Баданиной, Л.С. Выготского, И.Е. Высокова, П.Я. Гальперина, Н.Н. Ланге, А.Р. Лурии, А.А. Смирнова, Р. Солсо, М.А. Холодной, У. Найссера, А. Бэддели;

– в области психологии восприятия и психофизики: А.Д. Логвиненко, В.В. Любимова, Р. Вудвортса, Г. Шлосберга;

– в области психолингвистики и лингвистической семантики: Ю.Д. Апресяна, И.Н. Горелова, К.Ф. Седова, Е.Ю. Шуруповой;

– в области психосемантики и методологии психосемантического дифференциала: В.Ф. Петренко, В.П. Серкина, Д.А. Леонтьева, О.В. Александровой, И.Б. Дермановой, С.И. Дьякова, Т.Е. Косаревской, А.М. Медведева, И.В. Михеевой, Л.В. Перовой, О.Ю. Смирновой, Л.И. Вассерман, Е.А. Трифоновой, К.Р. Червинской;

– в области психологии времени, исследований временной перспективы и проспективной памяти: Ф. Зимбардо, Дж. Бойда, М.С. Яницкого, О.В. Алмазовой, Е.В. Бредаун, П. Жане, А. Сырцовой, В.Н. Григорьевой, Ж.В. Чуйковой, М. Клигеля, Л. Квавилашвили, Г.О. Эйнштейна, М.А. Макдэниела, Д. Элліса, А.А. Беликовой, О.А. Русаковской, М.А. Холодной, Э.Г. Гельфман;

– в области экспериментальной психологии, методологии психологии и математической обработки данных: А.Д. Наследова, Т.В. Корниловой, V. Aryadoust, M. Raquel;

– в области исследования метапамяти и диагностики когнитивных функций: Р.А. Бьорка, Дж. Данлоски, А.Г. Полуниной, Д.М. Давыдова, С. Раскина, К. Радфорд.

Эмпирическая база исследования. Исследование проводилось в онлайн-формате, испытуемые принимали в нем участие на добровольной и безвозмездной основе.

В состав выборки исследования вошли 96 испытуемых, которые были дифференцированы нами на следующие группы на основании их возраста:

– группа 1 (20–30 лет; $M = 20,6$; $SD = 1,18$; 50 испытуемых): 42 женщины, 8 мужчин;

– группа 2 (31–40 лет; $M = 34,63$; $SD = 3,22$; 46 испытуемых): 37 женщин, 8 мужчин, 1 испытуемый не указал свой пол.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования состоят в осуществлении оригинального методологического синтеза психосемантического дифференциала и концепции временной перспективы личности, что позволило эмпирически выявить и качественно

проанализировать устойчивые паттерны возрастной динамики и кросс-возрастную асимметрию в субъективном конструировании терминальных ценностей. Таким образом, настоящее исследование вносит значимый вклад в развитие психологии времени и теорий ценностно-смысловой регуляции личности.

Практическая значимость результатов исследования. Настоящее исследование вносит значительный вклад в сравнительно новую область когнитивной психологии – психологию проспективной памяти. Полученные результаты обогащают теоретическую модель функционирования временной перспективы личности, которая в рамках нашей работы понимается как динамическая система, неразрывно связанная с иерархически организованной структурой терминальных ценностей.

Результаты данного исследования возможно использовать не только в академической, но и в прикладной психологии, в частности, в целях разработки адресных программ психологического консультирования и психолого-педагогического сопровождения, направленных на психологическую коррекцию искажения временной перспективы и оптимизацию ценностно-смыслового целеполагания у лиц периода ранней и средней взрослости.

Опыт апробации результатов исследования. Результаты эмпирического исследования, проведенного в рамках подготовки и написания ВКР магистра, обсуждались на XV ежегодной научно-практической конференции молодых ученых факультета психологии СГУ им. Н.Г. Чернышевского.

По теме магистерского исследования опубликована следующая работа:

– Сарибекян Н.С. Регулятивные процессы проспективной памяти // Проблемы современной психологии: теория, практика, эксперимент : Материалы XV ежегодной научно-практической конференции молодых ученых факультета психологии (21 февраля 2025 г., Саратов). – Саратов : Амирит, 2025 – 278 с.

Основная часть. По результатам теоретического анализа отечественной и зарубежной психологической литературы (как классических, так и современных исследований) мы изучили следующие аспекты проблемы нашего исследования:

1. Проспективную память как особый вид памяти. Определено фундаментальное отличие проспективной памяти («памяти на интенции») от ретроспективной. Проспективная память представляет собой комплексную способность запоминать и своевременно выполнять запланированные действия в будущем. Ее реализация требует вовлечения широкого спектра когнитивных процессов, включая планирование, переключение внимания и контроль, и является необходимой для инструментальной повседневной активности и самостоятельного функционирования личности.

2. Специфику и этапы реализации проспективной памяти. Выделены ключевые особенности проспективной памяти, отличающие ее от других видов памяти: отсроченность реализации интенции, наличие специфического «контекста извлечения», выполнение на фоне конкурирующей деятельности и отсутствие немедленной обратной связи в случае ошибки. Описана многоэтапная модель реализации интенции (формирование, вспоминание, переключение, выполнение) и классификация задач на основе «ключей» (время- или событие-зависимые), где время-зависимые задачи признаются более сложными, требующими произвольного контроля.

3. Когнитивные корреляты проспективной памяти. Установлена тесная взаимосвязь проспективной памяти с регуляторными (исполнительными) функциями (планирование, самоконтроль, переключение), рабочей памятью и метапознанием. Подчеркнута особая роль стратегического мониторинга среды для обнаружения сигналов-подсказок, причем для время-зависимых задач он является непрерывным и более ресурсоемким. Показано, что, несмотря на данную связь, проспективная и ретроспективная память могут нарушаться относительно независимо.

4. Методы исследования проспективной памяти. Проанализированы три группы методов изучения проспективной памяти: лабораторные, натуралистические и естественные (полевые). Показаны их достоинства и ограничения, в частности, проблема экологической валидности лабораторных методик. На примере эмпирических исследований продемонстрирован существенный разрыв между успешностью выполнения задач в искусственных условиях лаборатории и в реальной жизненной среде.

5. Семантический дифференциал как базовый метод психосемантики. Раскрыты теоретические основы метода психосемантического дифференциала Ч. Осгуда, предназначенного для измерения системы коннотативных значений (личностных смыслов) субъекта через построение семантических пространств. Описана процедура шкалирования объектов по биполярным шкалам-антонимам и последующего факторного анализа для выделения базовых категориальных осей. В классических кросс-культурных исследованиях выделены три универсальных фактора: «Оценка», «Сила» (Потенция) и «Активность».

6. Процедуру построения семантических пространств. Описана трехэтапная технология построения семантических пространств: 1) установление семантических связей между объектами (прямыми или опосредованными методами); 2) математическая обработка матрицы сходства для редукции данных (факторный анализ, многомерное шкалирование); 3) содержательная интерпретация выделенных структур (факторов, кластеров). Показано, что семантическое пространство служит операциональной моделью для анализа категориальных структур сознания и семантических связей между значениями.

7. Частные (специализированные) семантические пространства. Обоснована необходимость построения частных семантических дифференциалов для конкретных понятийных классов (политика, личность, стиль). Показано, что в отличие от универсального, частные семантические пространства обладают трансформированной, часто более высокой

размерностью и отражают предметные (денотативные), а не только коннотативные аспекты значений. Они реконструируют «наивные» категориальные сетки обыденного сознания в конкретных областях.

8. Субъективные семантические пространства как модель индивидуального сознания. Введено и раскрыто понятие субъективных семантических пространств, реконструирующих индивидуальную систему значений. Показано, что параметры такого пространства (размерность, содержание факторов, их интеркорреляции, «перцептуальная сила») являются операциональными индикаторами когнитивной организации сознания: его сложности, содержания имплицитных теорий, мотивационной значимости тех или иных категорий и связей между ними.

9. Системное строение сознания и основы психосемантики. Теоретический анализ сознания в отечественной психологии (А.Н. Леонтьев) позволяет определить его как систему взаимосвязанных образующих: значения, личностного смысла и чувственной ткани. Психосемантические методы, в частности построение семантических пространств, интерпретируются как инструмент исследования взаимопереходов и взаимосвязей между этими образующими. Подчеркивается, что усвоение общественных значений есть активный процесс построения индивидуальной системы образующих, а чувственная ткань присутствует даже на уровне абстрактных понятий (теория двойного кодирования).

По результатам проведенного эмпирического исследования можно сделать следующие выводы:

1. С помощью метода психосемантического дифференциала были получены оценки 18 пар биполярных прилагательных, составляющих универсальный оценочный инструментарий для изучения 10 ключевых жизненных ценностей (по классификации М. Рокича). Оценивание каждой ценности проводилось в трех временных модусах – прошлом, настоящем и будущем, что позволило зафиксировать динамику субъективного отношения

к ценностям во времени и выявить особенности временной перспективы участников.

2. Эксплораторный факторный анализ полученных данных позволил построить статистически устойчивые и содержательно интерпретируемые модели для трех из десяти изучаемых ценностей: «развитие», «материально обеспеченная жизнь» и «интересная работа». Важно отметить, что в структуру факторных моделей вошли не все 10 биполярных шкал, а лишь те, которые действительно отражают смысловую нагрузку конкретной ценности в контексте временного восприятия. Это свидетельствует о селективности субъективной семантики: разные ценности «активируют» разные оценочные измерения, что подтверждает необходимость индивидуализированного подхода к анализу ценностных представлений.

3. Выявлены два статистически значимых различия между возрастными группами 20–30 и 31–40 лет в восприятии конкретных ценностей:

– В настоящем ценность «развитие» оценивалась участниками 20–30 лет как более «неприятная», чем участниками 31–40 лет. Это может свидетельствовать о том, что они переживают более высокий уровень фрустрации, неопределенности или стресса, связанного с процессом самореализации и профессионального поиска в молодом возрасте.

– В будущем ценность «интересная работа» воспринималась участниками 20–30 лет как более «слабая» по сравнению с группой 31–40 лет. Вероятно, это связано с меньшей уверенностью в своей профессиональной траектории, несформированными карьерными ожиданиями или более пессимистичным прогнозом относительно возможностей самореализации на рынке труда.

4. Значимые различия также обнаружены в субъективном восприятии насыщенности жизни событиями в разных временных модусах. Участники 31–40 лет оценивают свое прошлое как более насыщенное событиями, что может быть связано с накопленным жизненным опытом, ключевыми биографическими вехами (образование, карьера, создание семьи). В то же

время участники 20–30 лет воспринимают свое будущее как значительно более насыщенное событиями, что отражает их ориентацию на будущее, высокие ожидания от него и открытость новым возможностям.

5. С помощью применения апостериорного критерия для множественных сравнений мы обнаружили, что у обеих возрастных групп наблюдается схожая временная асимметрия:

- Будущее воспринимается как наиболее насыщенное событиями,
- Настоящее – как наименее насыщенное.

Полученные данные свидетельствуют о том, что испытуемые в своем субъективном восприятии не живут «здесь и сейчас», в настоящем времени, а направлены либо в прошлое (в форме рефлексии или ностальгии), либо в будущее (в форме ожиданий или тревоги). Такой дисбаланс может способствовать снижению субъективного благополучия личности и затруднять эффективное целеполагание.

6. На основе полученных результатов были разработаны дифференцированные психологические рекомендации, направленные на:

- развитие временной компетентности – способности осознанно распределять внимание между прошлым, настоящим и будущим;
- укрепление навыков реалистичного целеполагания с учетом возрастных ресурсов и ограничений;
- профилактику когнитивных искажений, связанных с чрезмерной идеализацией будущего или негативной оценкой настоящего (особенно актуально для группы 20–30 лет);
- поддержку позитивной переоценки процесса личностного развития и профессионального роста (в частности, снижение эмоциональной нагрузки от «неприятности» процесса развития у молодых людей).

Рекомендации сформулированы отдельно для двух возрастных групп:

- Для лиц в возрасте 20–30 лет акцент сделан на снижение тревожности в отношении будущего, развитие уверенности в профессиональной

перспективе и научении практикам осознанности для возвращения в настоящее время.

– Для лиц 31–40 лет – на интеграцию прошлого опыта в актуальный ресурс личностного роста, поддержание мотивации к развитию и балансирование между стабильностью и новыми целями в жизни.

Заключение. Настоящее исследование было направлено на изучение особенностей субъективного восприятия жизненных ценностей и насыщенности пятилетних интервалов жизни в трех временных модусах (прошое, настоящее, будущее) у испытуемых разных возрастных групп (20–30 и 31–40 лет) с применением метода психосемантического дифференциала.

По результатам проведенного нами теоретического исследования можно сделать следующие выводы:

1. Проспективная память представляет собой полидетерминированный познавательный психический процесс, который обуславливает способность личности формировать, удерживать и реализовывать интенции в будущем, что требует интеграции процессов планирования, внимания, исполнительного контроля и мониторинга среды. Ее эффективность тесно связана с работой других когнитивных функций, а успешность изучения напрямую зависит от экологической валидности применяемых методов.

2. Метод психосемантического дифференциала является универсальным инструментом для операционализации и моделирования субъективных систем значений индивидов. Он позволяет перейти от вербальных оценок к построению семантических пространств – формализованных моделей категориальной структуры сознания. Этот метод обеспечивает как выявление универсальных коннотативных измерений («Оценка», «Сила», «Активность»), так и реконструкцию уникальных, предметно-специфичных категорий частных и субъективных семантических пространств.

3. Параметры семантического пространства служат надежными индикаторами когнитивной организации сознания. Его размерность отражает сложность, содержание факторов – систему личностных смыслов и

имплицитных теорий, а конфигурация объектов в пространстве – индивидуальную значимость и систему эмоциональных отношений личности.

Результаты эмпирического исследования позволяют нам сделать следующие выводы:

1. Установлена селективность и динамичность субъективной семантики ключевых жизненных ценностей. Метод психосемантического дифференциала подтвердил, что различные ценности (такие как «развитие», «материально обеспеченная жизнь» и «интересная работа») актуализируют различные наборы оценочных признаков (например, «активность», «валентность», «сложность»), а их смысловое наполнение закономерно трансформируется при проекции на прошлое, настоящее и будущее время. Это свидетельствует о многомерной темпоральной природе ценностных конструкторов личности.

2. Эмпирически подтверждены возрастные различия в восприятии жизненных ценностей и общей насыщенности временных модусов. Группа 20–30 лет характеризуется более негативным («неприятным») переживанием процесса текущего развития и более пессимистичной («слабой») оценкой значимости интересной работы в будущем по сравнению с группой 31–40 лет. Параллельно выявлена возрастная специфика восприятия насыщенности жизни: прошлое оценивается как более событийно насыщенное в группе 31–40 лет, а будущее – в группе 20–30 лет, что отражает разную степень накопленного опыта и ширину жизненных горизонтов.

3. Обнаружена универсальная для всей выборки асимметрия в субъективной оценке насыщенности временных перспектив: будущее воспринимается как наиболее насыщенное событиями, а настоящее – как наименее насыщенное. Эта тенденция указывает на устойчивый когнитивно-эмоциональный дисбаланс, выражающийся в смещении фокуса внимания с актуального опыта на ожидаемый или рефлекслируемый, что может выступать фактором снижения субъективного благополучия и затруднять эффективное текущее целеполагание.

Практическая значимость исследования подтверждается разработкой системы дифференцированных психологических рекомендаций, которые могут быть использованы в консультировании лиц периода ранней и средней взрослости (20–40 лет) по проблемам целеполагания, кризисов профессиональной идентичности и деформации временной перспективы, выражающихся в обесценивании настоящего.

К основным ограничениям работы относятся относительная однородность выборки по возрасту, что сужает возможности обобщения полученных данных на генеральную совокупность; получение трех из десяти возможных факторных моделей субъективного оценивания ценностей в разных временных модусах по биполярным шкалам, а также вербально-оценочный характер метода, фиксирующий скорее декларируемые семантические конструкции, чем реальные поведенческие паттерны.

Перспективы развития настоящего исследования могут заключаться в расширении выборки за счет включения в ее состав репрезентативных групп других возрастов для системного изучения возрастной динамики проспективной памяти и ее психологических особенностей; в применении лонгитюдного дизайна для изучения изменений семантики ценностей и временной перспективы личности.